

литературное

И

НОВО

Е

обозрение

№9 (1994)

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Андрей Платонов

ЛОБСКАЯ ГОРА¹

По берегу Онежского озера шел в старину батрак из Карелии. Вековая серая природа была покрыта по своему лицу камнями, мертвыми корнями, сором прохожих редких людей и прочей нечистотой, будто земля была здесь слепая и никогда не видела сама себя, чтобы устроиться.

Батрак огляделся в пустынном свете воды, воздуха и земли. Он хотел прижиться где-нибудь, потому что желал существовать до истечения жизни. Вскоре он увидел большой бугор или гору, недалеко от берегового уреза озерной воды. На той горе, как созвездие бедных звезд, стояла деревня в четыре избушки, одна изба топилась по-черному, на крыше другой сидел человек, размером в половину самой избы, и смотрел оттуда на Онежское озеро, в далекое место. Карельский батрак остановился. Идти ему было некуда, в теле его лежали слабые силы. Добро, одетое на нем, стоило всего копеек двадцать, если продать его в Петрозаводске в базарный день; отец и мать давно умерли на чужом дворе у богатого финна. Он ушел тогда в Финляндию, все еще надеясь, что жизнь его развернется, потому что он может много работать, а сердце его целиком приспособлено к счастью. В Финляндии он нанялся работником к хозяину, который разводил молочных коров и делал из молока сливочное масло. Там, на богатом и скучном дворе, он полюбил дочь хозяина, а она боялась отца и мать [так!], чтобы тоже любить его или кого-нибудь другого. Девушка жила (одинок)² от страха перед своим семейством одиноко, некрасивая, но добрая. Она тоже была не-

1 ЦГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 1—16. На первой странице название рассказа дано как «Любская гора», но в тексте рассказа встречается только «Лобская гора».

2 Слова в скобках вписаны рукой.

счастливая, потому что отец и мать приучали ее любить лишь животных и дворовое, издавна нажитое имущество, а ей (уже) пора настала уже знать незнакомого человека. С кротостью и ужасом она (обнимала) обняла карельского батрака, когда он, по обыкновению, мучился около нее от любви и кругом их было глухое подворье. Вскоре хозяева заметили беременность дочери, которая тоже у них жила на положении батрачки. Они ей ничего пока не говорили, но наполнились тайным бешенством. Им, наверно, стало обидно, что сразу появятся два новых едока на дворе — ребенок и муж дочери, и то, что дочь теперь пожелтела, обессилела, не может иметь всего прилежания к хозяйству и слишком много спит. Батрак работал тогда изо всех своих усердных сил, чтобы оправдать перед хозяином с хозяйкой жену и прокормление будущего человека. Родители дочери ничем ее не попрекнули и не прогнали батрака прочь, хотя конечно догадались про их симпатию и нежную жизнь. Они скупно хранили свою злобу, как нужное добро, которое не следует преждевременно кому-либо открывать, чтобы не продешевить его.

Родился ребенок внезапно, в одну деревенскую ночь, его принимала сама хозяйка, бабушка младенца, а хозяин-дедушка сбивал в другой комнате маленький гроб из старых досок, много раз обернувшихся в хозяйстве. Отец-батрак стоял снаружи дома в ночной тьме, в затаенном месте. Он услышал страшный крик своего ребенка, впервые попавшего в жизнь и с непривычки сразу заболевшего от нее. Отец рожденного опустился на колени, прижался лицом к каменному фундаменту и дрожал от волнения. Он слышал шаги хозяйки и стук молотка из далекой комнаты, не понимая значения ночной работы хозяина. Ребенок поплакал и перестал: он умер, прожив немного времени, может быть — часа два; как будто он лишь приоткрыл дверь в этот свет, но не вошел в него, потому что ошибся, не туда попал. Наутро вышла к своему невенчанному мужу слабая, обезумевшая хозяйская дочь. Она сказала ему, что родился мальчик и он умер, он задохнулся под подушкой, которую положила на лицо ребенка ее мать. А она сама спала, из нее текла кровь, и сейчас еще течет. Вечером хозяин унес со двора в самодельном гробу тело ребенка. Дочь жила потом еще два дня, она ходила по всему двору, трогала руками и ласкала траву, предметы, постройки, инвентарь. Отец-хозяин запер ворота, но дочь и не пробовала их отворять. Слабая, родившая, взмокшая кровью по ногам, она жила теперь без сна и все время двигалась в огороже родительской усадьбы. Но мать не велела дочери ходить без дела: пусть она носит воду для телят хоть маленьким, легким ведром. Дочь взяла ведро и пошла на колодезь. В глубине его темноты, в зеркале дальней воды она увидела голубое небо весны, край белого облака, но облако увел ветер, в зеркале покойной воды появилось мертвое лицо ее ребенка — живым она его не видела никогда — и к тому далекому лицу склонялась какая-то женщина; в этой женщине она увидела сама себя. Мать умершего целовала своего скончавшегося ребенка на дне колодца, но вдруг она исчезла там; и опять остался один мертвый мальчик. Его лицо покрылось плывущим по небу облаком и стало невидимым. Девушка-мать забыла у колодезного сруба маленькое пустое ведро и пропала в колодце, чтобы скорее увидеть своего ребенка через небесное облако, покрывшее его лицо. Батрак тогда [соскучился — в рукописи вычеркнуто] от жизни, он перелез

через каменную огорожу богатого, чужого двора и ушел от хозяина, не получив расчета.

Теперь батрак стоял на берегу Онежского озера, где был край воды и край земли. Он почувствовал, что дошел до конца своей жизни; дальше тоже можно существовать, но незнакомой новости уже не будет — ни в счастье, ни в бедствии. Его сердце знает пределы того и другого.

Он поднялся на гору и спросил у человека, сидевшего на крыше: — Какое это место?

— Это Лобская гора, а то что же! — сказал человек с крыши.

— А деревня? — спросил прохожий батрак.

— И деревня тоже Лобская гора: одинаково, — ответил местный житель. — На всем свете она одна, ее все знают...

— А чего видно оттуда, чего ты на крыше сидишь? Проломишь! — сказал прохожий.

Человек на крыше был в больших годах, но бритый как богатый или ученый.

— Я ветер на озере гляжу, потом воду мерить пойду, — сказал с крыши старик с оскобленным, тщательным лицом, — мы здесь на службе состоим в Императорской Академии Наук, воду и бурю мерим, — мы в качестве пункта...

Батрак тоже согласился бы сейчас быть пунктом, — хоть чем-нибудь, лишь бы давали немного харчей, — но кто его возьмет на должность? Там бриться надо, писать и разговаривать... Он выбрал самую худую, невидную избу и пошел к ней, желая приютиться там от усталости. Деревянная крыша избы сопрела и поросла ветхим мхом, нижние венцы погреблись в землю, возвращаясь обратно в глубину своего родного места, и оттуда, из самого тела избушки, росли уже две новые, слабые ветви, которые будут могучими дубами и съедят когда-нибудь в своих корнях прах этого изжитого, истраченного ветром, дождями и человеческим родом жилища. Избушка стояла на своем пустом дворе, который был огорожен кольями, камнями с берега Онеги, сложенными внаброску, ржавыми листьями кровельного железа, принесенными сюда наверно бурей из дальнего города, и прочим дешевым или случайным матерьялом. Но эта огорожа уже не держалась, — камни разваливались, колья накренились, издавна сотлев, изморившись в почве.

Нуждаясь в существовании, но не зная, как теперь ему прижиться к чужим людям и чем угодить им, пришлый батрак начал поправлять огорожу — складывать камни в порядок, устанавливая колья и убирать различные ветхие ошурки с земли. На крыльцо избы вышла женщина, не старая еще и приятная, полноличная собою — может вдовица, может быть чья-нибудь поздняя пожилая дочка-девка.

— Ц ким брался, ципина харя, — зачим приехал к нам на Лобску гору? — заговорила та женщина.

Прохожий человек попробовал себе лицо — оно было не очень щипаное и не рябое, иные девки его даже умильным называли в прежнее время.

— Приц скурей иди от нас! — сразу сказала неизвестная хозяйка и ушла в свой дом.

Батрак в недоумении сердца опять стал перебирать дворовую огорожу, хотя это дело было теперь бесполезно. Уже темнело. Но горевать было скучно, поэтому пришлый человек доделал работу до конца, что-

бы на этом чужом дворе жить было красиво. Деревянные ворота хоть и вовсе стали плохие, но если их постругать, покрасить, они бы послужили еще. Батрак с сожалением потрогал петли, на которые были навешаны ворота, из этих петель вышли наружу давние гвозди, — он их забил обратно камнем, и больше ему нечего стало работать. Он сел на землю, прислонившись спиной к камню; вечерняя тьма увеличила тишину — теперь слышно было грустное движение воды у берега Онежского озера.

В избе открылась дверь, наверно опять хозяйка вышла, чтобы прогнать от ворот чужого человека. Батрак загодя поднялся сам, желая уйти отсюда в пустое место и там заночевать.

— Чего скучно тебе — на кого сердце кладе? — спросила женщина. — Приц скорей иди сюда!

Чужой человек пошел в избу на приглашение, поел теплых щей и лег спать на лавке. Хозяйка улеглась на печке и оттуда долго глядела на уснувшего прохожего, пока не затлел фитиль в лампе, потому что керосин выгорел до дна.

— А у него не ципаная харя! — сказала хозяйка сама себе перед сном. — Он ничего человек, только худощавый, небогатый!..

Утром батрак, пока еще спала хозяйка, прибрал избу, затопил печь на всякий случай. Женщина заворочалась на печке, она давно уже не спала, она нежилась. Других людей не было в жилище.

— Ты вдовица, что ль? — спросил ее прохожий.

— А чего нет! Я вдовая! — ответила хозяйка. — Мой муж умер: какая я теперь!..

— Умер, — сказал батрак. — Ну да: это бывает!

Они замолчали.

— Налей воды в чугунок, — сказала вдовая женщина, — да крупы насыпь туда, пусть в печке стоит: день пойдет, есть захочешь!

Исполнив хозяйство, чужой человек спросил:

— Одна живешь?

— Одна, — сообщила хозяйка. — Мужики набиваются — я ведь пышная, а я берегу себя, не трачу, — я теперь сама своей судьбой трясу, я без мужика обхожусь...

Скоробь прошла по сердцу внутри батрака; раз хозяйка безо всяких мужиков обходится, то он ей вовсе не нужен.

— Я мужиком не буду, — сказал гость вдовы. — Я им сначала был, а потом перестал — женщина одна умерла.

— Не будешь? — спросила хозяйка.

— Нет, — отказался батрак, — ты живи себе ни при чем, жируй в своей избе, а я тебе стряпать буду, хозяйство постерегу, рыбки пойду поймаю, что порвется — заштопаю...

Полноличная вдовица умно глядела на нечаянного гостя.

— Ну живи — терпи: значит тебе горько, что на вдовый хлеб пришел, — сказала она. — Покоя нету от вас, врагов!

— Покоя нету, — согласился батрак и, взявши табуретку, вынес ее далеко во двор, чтобы там (бесшумно) починить ей ножки без шума, потому что хозяйке нужен покой.

В короткое время работник обрядил хозяйство и стал заниматься рыболовством в мелких озерах, что лежат отдельно от Онеги; для большого озера у него снасть была плоха. Рыба требовалась для пропитания

себя и хозяйки. Но однако женщине вскоре надоела постная озерная рыба, и она велела ему пойти на лесопромышленный завод — там можно заработать деньги, чтобы купить говядины и материю на юбку.

Прижившийся гость пошел на завод и стал там работать с шести часов утра до шести вечера. Он мог работать лишь по черному труду, поэтому его поставили накатывать вручную кряжи к лесопильной раме. Все тело его к вечеру становилось пустым и равнодушным от потери жизни в долгом труде и, возвращаясь на ночлег, он садился прежде у ворот вдовьего двора, не чувствуя больше никакого наслаждения, что он живет. Чужая женщина ждала его с ужином, посидев наружи, гость являлся потом в избу и кормился с хозяйкой из одной посуды.

Ночуя, пришлый человек иногда просыпался вдруг — в темной тишине; его сердце болело, а голова была бессмысленна, и он не хотел, чтобы в нем появилась мысль или воспоминание³. Чуть слышалось береговое волнение воды на Онеге, — наверно какой-нибудь дальний ветер расшевелил озеро, и вода бежала от него до самого здешнего берега. Гость, хотя и работал и питал хозяйку своим заработком, но все же боялся немного, что его скоро прогонят отсюда. Может быть, наутро в хозяйку придет раздражение, возникнет злоба в ее большом теле — она ведь сама не знает, что в ней случится, и ни один человек не управляет собой, раз он довольно, без горя и страха живет, — и тогда чужому человеку откажут от приюта. Но робкое, редкое плескание воды о пустой берег Онеги давали успокоение в душу прихожего гостя; если нельзя быть человеком и нужно постоянно чего-нибудь бояться, то и не надо быть человеком: можно стать водой, землей или ветром. Жена и ребенок его тоже перестали быть людьми, но где-нибудь они существуют, пусть даже они ветер, вода и земля, и все же они близко, — и он чувствует их вместе с собою, в одном мире и в одном своем сердце.

Месяца через два после поселения карельского батрака у вдовы лесопромышленный завод остановили, а всех рабочих (отпустили) выпустили: больше не надо было ни досок, ни бревен, ни оболонков.

Но что же делать людям в природе, которая сама бедна и еле живет от нищеты? Ведь солнце в Карелию даже среди лета светит косо, и тепло его летит мимо земли в пустой воздух.

Деревня Лобская гора живет на горе у Онежского озера: издали она похожа на бедное созвездие звезд первоначального вечернего неба, когда в высоком пространстве еще мало тьмы и оно пусто. В той деревне избы маленькие, небогатые и некрашенные, но зато в них уютно бывает жить, и поэтому они кажутся достаточными, даже обширными, хотя жилища небольшие. На Украине хаты немного красивее, потому что там окна со ставнями, а здесь ставен нет и окна глядят на свет открыто, не смежаясь никогда, точно невидящие слепые.

Под самой Лобской горой есть другое озеро, кроме Онеги, — оно маленькое, но холодное; в этом Лобском озере изо всех рыб живут одни окуни, а больше никто. Но и окуни те живут в озере не постоянно: лет двадцать они бывают, а потом лет шесть или семь умирают на отдых, и

3 Здесь на полях вписано: «арест [слово неразборчиво] финна — отца дочери по обвин. в убийстве ребенка конец» По-видимому, здесь Платонов наметил, чем рассказ должен был кончиться.

тогда озеро стоит с пустою водой, одна лишь трава жирует в нем в жаркое лето. Отдохнув на дне озера, в покойном иле, в таинственной смерти, окуни оживают опять или рождаются заново из обмершей икры в раздвинувшихся, ненужных костях родителей.

Несколько раз в лето из Лобской деревни приходил на это озеро один еще не старый старик и подолгу глядел в зеркало воды, наблюдая на поверхности озера следы движения рыб. Но только слабый ветер бродил в покое воды, давая ей дыханье.

— Не пора! — говорил старик, и уходил обратно в избу, где он жил издавна с одной старухой. Когда-то она была молодою вдовой, тогда он женился на ней и нарожал детей — больше всего девок, а мальчик вышел лишь один. Но это ничего, девки теперь тоже учатся, они постепенно умнеют, обсуждают положение государства и бывают дорогие; их, кто моложе, даже любит — иногда хороший человек.

Одну рябоватую дочь старик, по совету сына, решил отправить в Петрозаводск — пусть она там научится какому-либо фокусу или делу: умелый человек милее для свадьбы. В прошлом году к леснику приехала красивая дочь из Ленинграда — девка тоже худая и неудобная, однако теперь к ней сватаются ребята, потому что у ней есть сейчас важность и видимость в лице, она прошла учение и одевается в кожаную тужурку.

В избе старик брал ружье и охотничье добро, потом прощался с женой: лес велик и серьезен, мало ли что встретишь там — может быть, смерть.

— А рыба как? — спрашивала хозяйка мужа.

— Не рожается еще! — отвечал старик. — Умерла, — и спит-лежит.

Старик уходил в лес, а старая женщина долго следила за ним из некрашеного окна и утирала несколько слез со своего лица, чтобы утешиться, но затем она опять раздражала себе сердце страхом за мужа и слезы снова выходили из ее глаз. Она кликала себе горе в душу, потому что в деревне тихо, привычно, а жить надо чем-нибудь новым. Охотник скрывался в лесу с важностью, не спеша переставляя ноги, и с опушки оглядывался на деревню, на весь белый свет на открытой поляне, точно прощался на смерть со всею прелестью мира. В лесу он убивал птицу [мелких зверей, дрожащих от страха собственного существования — *вычеркнуто*].

Публикация Э. Наймана
(см. его статью на с. 231)